

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО I

Юрисдикция

Мы завершим обсуждение темы «Юрисдикции». И на этой теме завершается первая часть наших лекций, основанных на книге М. Шоу «Международное право».

На последней лекции мы рассмотрим вопросы военных преступлений, преступлений против мира и преступлений против человечества, договоров, предусматривающих юрисдикцию, незаконного задержания подозреваемых и осуществления юрисдикции, экстрадиции, и экстерриториальной юрисдикции.

Военные преступления, преступления против мира и преступления против человечества

Помимо пиратства, военные преступления, которые сейчас приняты большинством органов власти в качестве субъекта универсальной юрисдикции, стоит отметить, что этот вопрос был крайне неустойчивым и крайне политизированным. В то время, когда законность и принципы решений военных преступлений, принятых после Второй Мировой Войны, вызывают мало сомнений, многие споры возникли по поводу предложений о военных преступлениях в отношении американского персонала, связанного с войной во Вьетнаме, в отношении пакистанских солдат, участвовавших в войне в Бангладеш 1971 году, и лиц, затронутых последующими конфликтами.

В статье 6 Устава Международного военного трибунала 1945 года говорится о преступлениях против мира, нарушениях законов и обычаев войны, и преступлениях против человечества как о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию трибунала, за которые будут нести индивидуальную ответственность. Теперь эту статью можно рассматривать как часть международного права. В резолюции, единогласно одобренной Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1946 году, принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и приговоры трибунала, были четко подтверждены. В 1968 году Генеральная Ассамблея приняла Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, укрепив общее убеждение в том, что военные преступления составляют отдельную категорию по международному праву подпадающие под универсальную юрисдикцию. В четырех Женевских Конвенциях Красного Креста 1949 года также содержатся положения об универсальной юрисдикции в отношении серьезных нарушений. К таким серьезным нарушениям относятся умышленные убийства, пытки или бесчеловечное обращение, незаконная депортация покровительствуемых лиц и захват заложников. В протоколе I 1977 года к Конвенциям 1949 года этот перечень был расширен: было включено, например, нападение на гражданское население.

В 1996 году Комиссия международного права приняла проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Статья 8 данного Конвенции Кодекса предусматривает, что каждое государство-участник принимает такие меры, какие могут потребоваться для установления его юрисдикции в отношении преступлений, изложенных в проекте, а статья 9 предусматривает, что государство, на территории которого находится лицо, предположительно совершившее преступление против мира и безопасности человечества, либо выдает это лицо, либо осуществляет судебное преследование этого лица. В комментарии к этой статье говорится, что национальные суды государств-участников будут иметь право осуществлять максимально широкую юрисдикцию в отношении преступлений в соответствии с принципом универсальной юрисдикции. Преступления против мира и безопасности человечества, за совершение которых возникает личная ответственность, включают агрессию, геноцид, преступления против человечности, преступления против ООН и связанного с ней персонала, и военные преступления.

Тот факт, что тот или иной конкретный вид деятельности может рассматриваться как международное преступление, сам по себе не устанавливает универсальную юрисдикцию, а практика государств, как представляется, не выходит за рамки военных преступлений, преступлений против мира и преступлений против человечества с точки зрения возможности осуществления такой юрисдикции.

Что касается универсальной юрисдикции, которая проявляется в национальных судах,

то отправной точкой является дело Эйхмана (Eichmann), решение по которому было принято местным судом Иерусалима и Верховным Судом Израиля в 1961 году. Эйхман был привлечен к ответственности и осужден по израильскому закону 1951 года за военные преступления, преступления против еврейского народа и преступления против человечества. Окружной суд Иерусалима заявил, что международное право применяется законодательными и судебными органами каждого государства в целях обеспечения осуществления его уголовных запретов и предания преступников суду. Тот факт, что преступления были совершены до создания Государства Израиль, не препятствовали правильному применению его полномочий в соответствии с универсальной юрисдикцией по международному праву. Внутригосударственное право Израиля лишь отражает преступления, предусмотренные международным правом.

25 февраля 2003 года Верховный Суд Испании в деле о геноциде в Гватемале (Guatemalan Genocide) постановил, что юрисдикция будет распространяться только на акты геноцида, жертвами которых являются испанские граждане. Однако это решение было отменено в 2005 году Конституционным Судом Испании, который постановил, что положение о внутренней юрисдикции в отношении преступлений против человечества не ограничивается делами, касающимися испанских граждан, ставших жертвами геноцида, и что для подачи жалобы не требуется никакой связи с Испанией.

Договора, предусматривающие юрисдикцию

В дополнение к признанной универсальной юрисдикции по задержанию и судебному преследованию пиратов и военных преступников существует ряд договоров, которые предусматривают пресечение международным сообществом различных видов деятельности, начиная от уничтожения подводных кабелей и заканчивая незаконным оборотом наркотиков и рабством. Эти договоры предусматривают осуществление юрисдикции государств, но не универсальной юрисдикции. В некоторых конвенциях устанавливается юрисдикция, которую можно назвать квазиуниверсальной юрисдикцией, предусматривающей осуществление юрисдикции на различных основаниях как можно более широкой группой государств-участников в сочетании с обязательством государств-участников устанавливать такую юрисдикцию во внутреннем праве. Во многих случаях соответствующее преступление будет представлять собой *jus cogens*. Иногда высказывается мнение о том, что в тех случаях, когда существует норма *jus cogens*, особенно когда преступление рассматривается как особенно серьезное, может быть создана универсальная юрисдикция как таковая. Более правильным является подход, согласно которому в таких обстоятельствах международное право признает, что внутренние правовые нормы могут законным образом устанавливать и осуществлять юрисдикцию в отношении предполагаемых правонарушителей. Таким образом, такие обстоятельства включают присутствие обвиняемого в соответствующем государстве и таким образом могут отличаться от универсальной юрисдикции как таковой, когда, например, пират может быть задержан в открытом море, а затем подвергнут судебному преследованию в государстве. Поэтому, тип юрисдикции в подобном контексте не может быть описан как универсальная, а, скорее всего, как квази-универсальная. Судьи Хиггинс, Коойманс и Бюргенталь в своем совместном особом мнении в деле Конго против Бельгии (Congo v. Belgium) называют эту ситуацию «обязательной территориальной юрисдикцией в отношении лиц» или «юрисдикцией для установления территориальной юрисдикции над лицами, в отношении экстерриториальных событий», а не истинной универсальной юрисдикцией. Следует отметить, что многие из этих договоров не только предусматривают, что государство может осуществлять соответствующую юрисдикцию, но и требуют, чтобы государство-участник договора осуществляло эту юрисдикцию. Например, во многих договорах содержится требование о возбуждении уголовного преследования в отношении предполагаемого преступника или выдаче такого лица государству, которое будет осуществлять судебное преследование.

Существует ряд договоров, которые следуют квази-универсальной модели, предусматривающей, что определенные преступления квалифицируются в качестве уголовных преступлений в рамках внутреннего законодательства государств-участников; и что государства

принимают обязательства арестовывать предполагаемых правонарушителей, обнаруженных на национальной территории; а затем преследовать этих лиц на основе ряда заявленных юрисдикционных оснований, начиная от территориальности, заканчивая гражданством и пассивной правосубъектностью. Такие договоры, как правило, предусматривают также взаимную помощь, а соответствующие преступления считаются подлежащими включению в качестве преступлений, влекущих выдачу. В качестве примеров таких соглашений можно назвать Конвенцию ООН против пыток 1984 года и договоры, касающиеся захвата заложников, подделки валюты, угона воздушных судов и незаконного оборота наркотиков. Такие договоры обычно осуществляются на национальном уровне.

Незаконное задержание подозреваемых и осуществление юрисдикции

Представляется, что незаконное задержание подозреваемого государственными агентами, действующими на территории другого государства, не является препятствием для осуществления юрисдикции.

Такое опасение, разумеется, представляло бы собой нарушение международного права и нормы невмешательства, предусматривающей ответственность государств, если только обстоятельства не позволяют сослаться на право на самооборону. Можно утверждать, что арест, являющийся нарушением международного права, будет лишь усугубляться предоставлением задерживаемому государству возможности осуществлять юрисдикцию, однако международная практика в целом свидетельствует об обратном. В большинстве случаев проводится четкое различие между задержанием и юрисдикцией осуществлять судебное преследование, и следует также проводить различие между ситуациями, когда задержание имело место в открытом море или над ним, и случаями, когда задержание произошло на территории другого государства без его согласия. Еще одно проведенное различие касается ситуаций, когда похищение происходит из государства, с которым задерживающее государство имеет договор об экстрадиции, регулирующий условия, при которых перемещение предполагаемых правонарушителей происходит между ними. Также различие может быть сделано между делами в зависимости от вида правонарушения с которой правонарушитель задержан, так что проблема задержания, мешающая судебному преследованию, может рассматриваться как менее важная в тех случаях, когда дело касается международных преступлений. Естественно, любое такое задержание представляло бы собой нарушение прав человека соответствующего лица, но вопрос о том, повлияет ли это на осуществление юрисдикции как таковой, является здесь ключевым.

Различия в подходах между государствами очевидны. Апелляционный суд США в деле Тосканино (*US v. Toscanino*) постановил, что правило о том, что юрисдикция не затрагивается незаконным задержанием, не должно применяться в тех случаях, когда присутствие ответчика было обеспечено силой или мошенничеством, но этот подход, похоже, был в значительной степени подорван. В деле Лухан США против Генглер (*US ex rel. Lujan v. Gengler*) отмечалось, что правило, указанное в Тосканино, имеет отношение только к случаям пыток, жестокости и подобного иного возмутительного поведения.

В Соединенном Королевстве подход, по всей видимости, несколько изменился. В деле Плеймаус Джастис (*R v. Plymouth Justices, ex parte Driver*) было отмечено, что, если какое-либо лицо находится под законным арестом в пределах юрисдикции, суд не имеет полномочий расследовать обстоятельства, при которых он был доставлен в их юрисдикцию. Однако в деле Хорсеферри Роуд Магистратс Корт (*R v. Horseferry Road Magistrates Court, ex parte Bennett*) Палата Лордов заявила, что если существует договор о выдаче с соответствующей страной, согласно которому обвиняемый мог быть возвращен, то суды Великобритании откажутся привлечь его к ответственности, если он был принудительно доставлен в пределы юрисдикции Англии в нарушение процедур, указанных в договорах о выдаче, с помощью процесса, в котором полиция, прокуратуры или другие органы исполнительной власти были вовлечены.

Экстрадиция

Практика экстрадиции позволяет одному государству передать другому государству подозреваемых или осужденных преступников, сбежавших на территорию первого. Она основана на двустороннем договорном праве и не существует в качестве обязательства государств по обычному праву. Как правило, из существующих договоров по этому вопросу вытекают определенные общие принципы, например, принцип двойной преступности, а именно, что соответствующее преступление должно быть преступлением в соответствующих государствах, и принцип специальности специализированной выдачи, т.е. того, что выданное лицо может быть привлечено к судебной ответственности и наказано только за преступление, в связи с которым была запрошена и предоставлена экстрадиция. В целом преступления политического характера исключены, однако они не будут охватывать террористическую деятельность. Как отмечалось выше, во многих договорах, устанавливающих многочисленные основания для осуществления юрисдикции, принято настаивать на том, чтобы государства-участники, на территории которых находится предполагаемый преступник, осуществляли либо судебное преследование, либо выдачу такого лица. Кроме того, многие договоры предусматривают автоматическое включение в существующие двусторонние договоры о выдаче между государствами-участниками таких договоров с соответствующим преступлением. Многие государства не допускают экстрадиции своих граждан к другому государству, но это обычно происходит в тех случаях, когда соответствующее государство имеет широкие полномочия по преследованию граждан за преступления, совершенные за границей. Кроме того, следует отметить значение права прав человека для процесса экстрадиции в том смысле, что выдача государству, которое может подвергать соответствующее лицо пыткам или бесчеловечному обращению, например, нарушая Европейскую Конвенцию о правах человека, будет не допущена.

Экстратерриториальная юрисдикция

Проблемы возникают в контексте экономических вопросов, в связи с которыми некоторые государства, особенно Соединенные Штаты, стремятся применять свои законы за пределами своей территории таким образом, что это может привести к конфликтам с другими государствами. В тех случаях, когда претензии основываются на территориальной и национальной теориях юрисдикции, проблемы возникают нечасто, однако претензии, выдвигаемые на основе так называемой доктрины «последствий», вызывают значительные разногласия. Это выходит за рамки объективного территориального принципа и приводит к ситуации, когда государство приобретает юрисдикцию на том основании, что поведение стороны порождает «последствия» на его территории. И не важно, что все действия происходят на территории другого государства. Доктрина последствий решительно поддерживается, особенно США в области антимонопольного регулирования. Классическое изложение американской доктрины было сделано в деле США против компании Алюминум (*US v. Aluminum Co. of America*), в котором суд заявил, что любое государство может налагать ответственность, даже на лиц, не входящих в его состав, за поведение за пределами его границ, имеющее последствия в пределах его территории, которые государство осуждает.

Доктрина была в некоторой степени изменена требованием намерения и мнением о том, что последствия должны быть существенными, но широкий характер концепции вызвал значительную оппозицию за пределами США, и оценивался как попытка взять доказательства за рубежом в соответствии с очень широкими положениями о досудебном раскрытии в американском праве, и в результате добиться возмещение ущерба в тройном размере.

Американские суды, возможно, ввиду растущей оппозиции иностранных государств, изменили свой подход в делах *Тимберлайн Лумбер против Банка Америки* (*Timberlane Lumber Co. v. Bank of America*) и *Маннингтон Миллс против Корпорации Конголеум* (*Mannington Mills v. Congoleum Corporation*). В этих делах было указано, что, помимо критерия последствий предыдущих дел, суды должны были учитывать критерии сбалансированности, «юрисдикционную норму разумности», предполагающую учет интересов других государств и полного характера отношений между заинтересованными сторонами и США.

Американские суды еще больше изменили свой подход. В деле Лейкер Эйруэйз против Сабены (*Laker Airways v. Sabena*) суд, в частности, постановил, что после того, как антимонопольное законодательство США было объявлено применимым, оно не может быть квалифицировано или проигнорировано в силу вежливости. Соответственно, примирение конфликтующих интересов должно осуществляться только путем дипломатических переговоров.

Иностранные государства начали реагировать на доктрину последствий в конце 1970-х и начале 1980-х годов, приняв блокирующее законодательство. Например, в соответствии с Законом Соединенного Королевства 1980 года «О защите торговых интересов» государственный секретарь при рассмотрении экстерриториальных действий иностранного государства может запретить представление документов или информации в суды или органы последнего. Кроме того, гражданин или резидент Великобритании может подать иск в английский суд о взыскании нескольких убытков, выплаченных по решению иностранного суда.

Европейское сообщество, в частности, заняло твердую позицию в отношении подхода США. В своем письме в Комитет Конгресса, рассматривая изменения в законодательстве США по экспортному контролю в марте 1984 года, было заявлено, что претензии США на юрисдикцию над европейскими дочерними компаниями американских компаний и над товарами и технологиями американского происхождения, находящимися за пределами США, противоречат принципам международного права и могут привести лишь к столкновениям как политического, так и правового характера. Было указано, что эти дочерние предприятия, товары и технологии должны подчиняться законам страны, в которой они расположены.

Однако само Европейское сообщество занимается вопросом осуществления юрисдикции в отношении корпораций, не базирующихся в сообществе, в области законодательства о конкуренции. В деле АйСиАй против Комиссии (*ICI v. Commission*) Европейский суд установил юрисдикцию в отношении ряда ограничительных соглашений об установлении цены на красители на том основании, что предприятия-ответчики имели корпоративные дочерние предприятия, которые базировались в рамках сообщества, и отказался следовать предложению Генерального Защитника о том, что юрисдикция должна быть основана на прямых и немедленных, разумно предсказуемых и существенных последствиях.

На этом, дорогие слушатели, наш сегодняшний урок подошел к своему концу. В следующий раз мы начнем обсуждение новой темы.

Вопросы:

1. В деле Эйхмана суд заявил, что международное право фактически нуждается в законодательных и судебных органах каждого государства, обеспечивающих осуществление его уголовных запретов и предание преступников суду. Как Вы думаете, если национальное законодательство государств не будет отражать нормы международного права, к каким последствиям это может привести?

2. Как Вы думаете, какие последствия могут возникнуть, если государство откажет в экстрадиции подозреваемых?

3. Поддерживаете ли Вы применение доктрины «последствий»?

Литература:

1. L. Reydams, *Universal Jurisdiction: International and Municipal Legal Perspectives*, Oxford, 2002
2. C. Ryngaert, *Jurisdiction in International Law*, 2nd edn, Oxford, 2015
3. Y. Shany, *Regulating Jurisdictional Relations between National and International Courts*, Oxford, 2007